Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19, № 2. С. 11–22.
Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19, No. 2. P. 11–22.

Научная статья
УДК 332.1(519.5):338.1
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/11-22

Территориальная асимметрия и региональная политика Республики Корея при президенте Юн Сок Ёле

Виктория Анатольевна Денисенко
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, denisenko.va@dvfu.ru

Аннотация. Цель статьи – анализ особенностей территориальной асимметрии Республики Корея и оценка эффективности региональной политики президента Юн Сок Ёля. В работе используются системно-аналитические методы, методы нормирования и агрегирования показателей, а также метод многомерной группировки. Автором проанализированы основные тенденции социально-экономического развития регионов Республики Корея, дана характеристика политики президента Юн Сок Ёля в рамках концепции сбалансированного развития регионов. В соответствии с оригинальной авторской методикой разработаны интегральные показатели и проведена типологизация регионов по уровню социально-экономического развития. Исследование подтвердило сохранение существенного разрыва между инновационными центрами страны Сеулом и Кёнгидо и остальными регионами, что указывает на отсутствие каких-либо значимых результатов региональной политики администрации президента Юн Сок Ёля.
Ключевые слова: *правительство Юн Сок Ёля, региональная политика, территориальное развитие, региональная асимметрия, оценка региональной политики*
Для цитирования: Денисенко В. А. Территориальная асимметрия и региональная политика Республики Корея при президенте Юн Сок Ёле // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19, № 2. С. 11–22. https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/11-22

Original article
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/11-22

Territorial Asymmetry and Regional Policy of the Republic of Korea under President Yoon Seok Yeol

Victoria A. Denisenko
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, denisenko.va@dvfu.ru

Abstract. The purpose of the paper is to analyze the features of territorial asymmetry of the Republic of Korea and evaluation the effectiveness of the regional policy of President Yoon Seok Yeol. This paper uses system-analytical methods, methods of standardization and aggregation of indicators, as well as the method of multidimensional grouping. The author analyzes the main trends in the economic and social development of various regions of the Republic of Korea, Yoon Seok Yeol's policies are characterized within the framework of the concept of balanced regional development. In accordance with the original author's methodology, integral indicators were developed and a typology of regions by level of development was suggested. The study confirmed the persistence of a significant gap between Seoul and Gyeonggi-do and the rest of the country, indicating the lack of significant results of regional policies of the administration of President Yoon Seok Yeol.
Key words: *Yoon Seok Yeol government, regional policy, territorial development, Republic of Korea, regional asymmetry, evaluating regional policy*
For citation: Denisenko V. A. Territorial Asymmetry and Regional Policy of the Republic of Korea under President Yoon Seok Yeol // Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19, No. 2. P. 11–22.
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/11-22

Введение

Территориальная асимметрия давно стала привычным явлением современного мира: региональная неоднородность, несмотря на усилия национальных правительств, отмечается как в странах с устойчивым экономическим ростом, так и там, где развитие не движется быстрыми темпами. Политические, исторические, географические, демографические и иные факторы, определяющие уровень асимметрии, порождают региональные диспропорции, масштабы и сложность которых порой с трудом поддаются государственному регулированию. В результате недостаточно эффективная региональная политика может привести к целому ряду негативных последствий в экономической и социальной сферах.

Республика Корея отличается достаточно высокой степенью конкурентоспособности экономики, существенным инновационным потенциалом и сравнительно небольшой по площади территорией. Тем не менее, для данного государства также присуща региональная асимметрия, особо наглядная при сравнении столичного региона и периферийных городов. Соответственно, проблема сбалансированного регионального развития традиционно остается в южнокорейской политической риторике, независимо от того, какой прези-

© Денисенко В. А., 2025

дент находится у власти. Вместе с тем каждая администрация характеризуется особым подходом к региональной политике **[8]**, используя различные стратегии в попытках изменить сложившуюся в период индустриализации внутристрановую социально-экономическую дифференциацию.

Приход к власти в 2022 г. президента Юн Сок Ёля ознаменовался провозглашением 6 национальных целей и 120 национальных задач, направленных, в том числе, на устранение территориальной неоднородности и вхождение в "подлинную эру регионов". Каковы же были приоритеты региональной политики президента Юн Сок Ёля? Смогли ли усилия двадцатого президента Республики Корея способствовать наступлению "эпохи регионального равновесия"? В данной работе рассматриваются специфика территориальной асимметрии Республики Корея, особенности политики президента Юн Сок Ёля по снижению региональных диспропорций, а также представлены результаты оценки эффективности региональной политики администрации Юн Сок Ёля.

Территориальная социально-экономическая асимметрия Республики Корея

Асимметрия – объективная характеристика социально-экономического положения любого государства, результат действия множества факторов. Существует обширная литература, посвящённая тем или иным проявлениям асимметрии с различными трактовками данного понятия. В этом исследовании под территориальной (региональной) асимметрией (дифференциацией, неоднородностью) понимается мера различий показателей социально-экономического развития регионов. Особо следует отметить, что в настоящее время не существует как общепринятого определения понятия социально-экономического развития территории, так и перечня его основных компонентов.

Отсутствие однозначной трактовки относится также к понятию "регион" и критериям отнесения к нему. В настоящем исследовании под регионами понимаются: город с особым статусом (Сеул), шесть городов-метрополий (Пусан, Тэгу, Инчхон, Кванджу, Тэджон, Ульсан), один особый самоуправляющийся город Седжон и 9 провинций Республики Корея, в том числе две особые самоуправляющиеся провинции Канвондо и Чеджу.

Хотя асимметрия объективно присуща региональному развитию, характер возникающих из-за неё проблем и способы их решения существенно различаются в разных странах **[4]**. Рассмотрим некоторые, наиболее показательные для Республики Корея (далее – РК), проявления асимметрии.

В первую очередь, региональные диспропорции РК связаны с особенностями развития страны во второй половине XX в. В XX столетии в РК ускоренным темпом шли процессы индустриализации, кардинальным образом изменившие ландшафт ранее слаборазвитой, преимущественно сельскохозяйственной страны. В итоге уровень урбанизации в стране в 2023 г. составил более 80%, при этом наблюдается сосредоточение экономической активности и концентрация населения в крупных мегаполисах. Так, плотность населения в Сеуле, где, несмотря на стимулирование оттока из столицы, проживает 18,29% населения страны, составляет 15506 человек на кв. км (2023 г.) и именно в столице расположены штаб-квартиры ведущих компаний страны (более 70% из вошедших в список Forbes 2024 Global 2000 List 61 южнокорейских компаний).

Следует отметить, что территориальная асимметрия может быть также итогом целенаправленной государственной политики **[11]**. В частности, региональные диспропорции в РК обусловлены сформировавшимся в стране территориальным разделением труда. Столичный регион связан, прежде всего, со сферой информации и связи, управлением бизнес-объектами, консалтинговыми услугами, инновационными отраслями экономики. В Кёнгидо находятся штаб-квартиры таких крупнейших компаний, как Samsung Electronics Co., Ltd (производство и продажа электроники и компьютерной периферии), KT Corp. (интегрированные телекоммуникационные услуги), Daou Technology, Inc. (разработка программного обеспечения) и др. Инчхон – крупный транспортный центр, известен в том числе выпуском продукции с высокой добавленной стоимостью. В частности, в Ичхоне базируется не только Hyundai Steel Co. (производство и продажа стальной продукции), но и SK hynix, Inc.,

Табл. 1. Валовый региональный продукт, численность действующих компаний, количество зарегистрированных патентов и индекс производства в регионах Республики Корея, 2023 г.

Table 1. Gross regional product, number of operating companies, number of registered patents and production index in regions of the Republic of Korea, 2023

Регион	ВРП на душу населения, долл. США	Численность действующих компаний, %	Количество зарегистрированных патентов, %	Индекс производства, %
Республика Корея	46491	100	100	5,8
Сеул	58255	20,3	28,3	-3,7
Пусан	34762	6,1	3,3	-3,9
Тэгу	30985	4,3	2,5	-2,0
Инчхон	38840	5,6	3,7	22,8
Кванджу	35452	2,5	1,8	1,9
Тэджон	36645	2,6	6,1	1,8
Ульсан	81235	1,8	1,2	0,0
Седжон	43174	0,6	0,5	6,0
Кёнгидо	43070	27,3	32,2	30,9
Канвондо	40713	3,0	1,6	-8,2
Чхунчхон-Пукто	54214	3,0	2,1	-6,3
Чхунчхон-Намдо	64709	4,0	4,0	-3,1
Чолла-Пукто	36283	3,3	2,4	-3,8
Чолла-Намдо	55513	3,4	2,2	-3,0
Кёнсан-Пукто	48812	4,7	4,1	-2,9
Кёнсан-Намдо	42144	5,9	3,5	3,3
Чеджу	38450	1,5	0,6	-4,7

Источник: составлено автором на основе **[10]**.

Source: compiled by the author based on **[10]**.

специализирующаяся на производстве и продаже полупроводников, а также Celltrion Inc. (фармацевтика).

Пусан и Тэгу в настоящее время выступают в роли "старопромышленных центров", значение которых в экономике страны изменилось в связи с выносом производств в другие страны и процессами диверсификации **[1].**

Провинцию Кёнсан-Намдо можно выделить благодаря г. Чханвон – "единственному из крупных местных центров с диверсифицированной отраслевой структурой" **[1, с. 92]**. Административный город Седжон ассоциируется с реализацией проектов в сфере государственного управления, Ульсан – с морскими перевозками, нефтепереработкой и машиностроением, Чеджу – "урбанизированная сельскохозяйственная провинция" **[6]**, – с развитием туристической отрасли и т. д. При этом в РК отсутствуют традиционные отдалённые сельские регионы.

Однако исторически сложившаяся в РК система территориального разделения труда нацелена на концентрацию конкурентоспособных наукоёмких отраслей экономики, в первую очередь, в столичном регионе. Традиционные отрасли, как правило, расположены вне мегаполисов, что усиливает отток населения из периферийных территорий. Безусловно, наблюдаются значительные успехи по снижению экономической неоднородности регионов (о чём свидетельствуют данные ВРП). Тем не менее, можно согласиться с корейскими

Табл. 2. Основные демографические показатели регионов Республики Корея, 2023 г.
Table 2. Key demographic indicators of the regions of the Republic of Korea, 2023

Регион	Численность населения, %	Суммарный коэффициент рождаемости	Индекс старения	Общий коэффициент смертности
Республика Корея	100,00	0,72	162,90	6,90
Сеул	18,29	0,55	196,90	5,50
Пусан	6,42	0,66	222,30	8,00
Тэгу	4,63	0,70	171,00	7,00
Инчхон	5,84	0,69	143,10	6,10
Кванджу	2,77	0,71	130,70	6,20
Тэджон	2,81	0,79	143,70	6,00
Ульсан	2,15	0,81	117,90	5,50
Седжон	0,75	0,97	54,30	4,20
Кёнгидо	26,56	0,77	122,40	5,50
Канвондо	2,98	0,89	228,70	9,30
Чхунчхон-Пукто	3,10	0,89	173,80	8,50
Чхунчхон-Намдо	4,15	0,84	165,10	8,90
Чолла-Пукто	3,42	0,78	212,60	9,80
Чолла-Намдо	3,52	0,97	234,00	11,00
Кёнсан-Пукто	4,98	0,86	225,20	9,90
Кёнсан-Намдо	6,33	0,80	160,70	8,10
Чеджу	1,32	0,83	126,20	6,90

Источник: составлено автором на основе **[10]**.
Source: compiled by the author based on: **[10]**.

исследователями, что подобная пространственная структура региональной экономики РК несёт значительные риски для национального развития **[8]**.

Региональные различия в Корее постепенно усиливаются также в связи с изменениями в демографических процессах **[5]**. Более 40% населения страны проживает в двух регионах. Подобное сосредоточение населения усугубляет проблему депопуляции, поскольку в городской местности уровень рождаемости традиционно ниже, а негативное влияние ухудшения экологии выше. Снижение темпов естественного воспроизводства населения является, в той или иной мере, общемировой тенденцией, однако катастрофическое течение процесса рождаемости в РК достигло уровня, когда речь идёт о вымирании нации.

Несмотря на распространенность мнения, что динамика рождаемости в какой-то степени связана с экономическими спадами **[13]**, в РК специфика современного репродуктивного поведения населения обусловлена множеством факторов, в том числе, установившейся системой трудовых отношений и сохраняющимся неравенством трудящихся-мужчин и трудящихся-женщин. В *таблице 2* представлены основные демографические показатели регионов страны.

Как показывает индекс старения, в настоящее время в РК сложилась регрессивная возрастная структура населения, способствующая превращению Южной Кореи в "общество пожилых". Только административный город Седжон, где проживает всего 0,75% населения страны, несколько выделяется из общей картины, однако и там простое воспроизводство населения не

Табл. 3. Темпы изменения демографических показателей регионов Республики Корея за период с 2017 по 2023 г.
Table 3. The rate of change in demographic indicators of the regions of the Republic of Korea for the period from 2017 to 2023

Регион	Темпы изменения		Темп прироста (убыли) населения
	суммарного коэффициента рождаемости	*индекса старения*	
Республика Корея	-52,0	40,5	-0,88
Сеул	-47,9	37,3	-5,02
Пусан	-52,4	37,2	-5,38
Тэгу	-45,9	41,0	-4,22
Инчхон	-48,3	36,1	1,63
Кванджу	-36,1	41,5	-3,14
Тэджон	-55,7	43,4	-4,16
Ульсан	-72,0	15,3	-5,57
Седжон	-38,8	37,3	27,53
Кёнгидо	-26,2	36,2	5,55
Канвондо	-38,8	33,1	-1,46
Чхунчхон-Пукто	-51,9	27,3	-0,06
Чхунчхон-Намдо	-47,6	31,8	0,63
Чолла-Пукто	-36,6	27,9	-5,69
Чолла-Намдо	-46,0	32,4	-5,11
Кёнсан-Пукто	-53,4	35,2	-5,38
Кёнсан-Намдо	-57,2	27,4	-3,98
Чеджу	-52,0	40,5	2,69

Источник: составлено автором на основе **[10]**.
Source: compiled by the author based on **[10]**.

осуществляется. В целом темпы изменения демографических показателей с отрицательной динамикой (*табл. 3)* подтверждают возможность наличия в стране, по словам корейских исследователей, "кризисных зон вымирания" **[17]**. Прирост численности населения в некоторых регионах вызван, скорее всего, миграционными процессами.

В качестве проявлений региональной асимметрии выступают и другие характеристики социально-экономического развития регионов, в том числе, учитываемые при проведении оценки эффективности региональной политики президента Юн Сок Ёля. Тем не менее, нельзя не согласиться с зарубежными экспертами, что концентрация населения в городах, старение и демографический кризис создают весьма серьёзные проблемы для РК **[3]**. Данные тенденции требуют не только адаптации региональной политики к сложившимся демографическим условиям, но и мер, направленных на их изменение.

Региональная политика в Республике Корея

Для РК термин "региональная политика" включает, прежде всего, государственное регулирование асимметрии социально-экономического развития регионов **[8]**. Следует отметить, что ещё в первой редакции конституции страны упоминалось о роли государства в сбалансированном развитии регионов. Уже в 1980-х гг. правительство РК начинает реализацию стратегии развития промышленных парков вне густонаселённых территорий **[7]**, стремясь пре-

одолеть негативные последствия быстрого индустриального роста. В 1990-х гг., особенно после азиатского кризиса 1998 г., региональная политика южнокорейского государства сосредотачивается вокруг конкурентоспособности экономики регионов.

В 2000-х гг. правительство РК приступает к осуществлению политики сбалансированного развития по устранению региональных диспропорций. Сам термин имеет достаточно много определений, в том числе, его можно рассматривать как формирование вектора желаемого развития и взаимовыгодных отношений между регионами **[15]**. Представляется возможным также использовать следующее определение – системные действия, направленные на устойчивое развитие территорий, вне зависимости от их административной градации.

В дальнейшем в РК были сформированы президентские комитеты, нацеленные на решение задач сбалансированного регионального экономического и демографического развития, разработано и принято законодательство, посвященное равномерному территориальному развитию, поддержке районов с сокращенной численностью населения, а также развитию местной автономии.

Вместе с тем, несмотря на общую приверженность администраций президентов РК концепции сбалансированного развития, их подходы к реализации масштабных национальных проектов в рамках региональной политики существенно отличались. Так, президент Но Му Хён в качестве важнейшего шага в данном направлении видел децентрализацию управления. Нельзя не отметить, что термин "децентрализация" в дальнейшем так или иначе упоминался среди национальных задач, провозглашенных правительством практически каждого президента. При этом не существует единой модели политики децентрализации, её результаты зависят от множества факторов, в том числе эффективности государственного управления **[16]**.

Идея Но Му Хёна о переносе столицы из Сеула не получила широкого одобрения в стране, в том числе со стороны Конституционного суда. Попытка создания инновационных городов как центров развития также вызвала серьёзную критику **[9]**. Тем не менее в дальнейшем "смарт-город" Седжон, названный в честь одного из величайших монархов Кореи, стал многофункциональным административным центром, где размещено большинство министерств РК и в управлении городской инфраструктурой, которого активно используются новые технологии.

Правительство следующего президента – Ли Мён Бака, в качестве особенности своей политики видело не "равномерное" развитие регионов, а, собственно, "развитие", делая акцент на экономическом росте и повышении конкурентоспособности региональных экономик. При этом попытки превратить административный город Седжон в деловой центр не встретили положительного отклика со стороны как управленческих, так и бизнес-структур.

Повышение качества жизни населения стало основным приоритетом региональной политики президента Пак Кын Хе **[2]**, причём концентрация на данном направлении выступала предметом критики со стороны оппозиции. Администрацией президента была разработана пространственная концепция "Зон счастливой жизни", предполагающая, в том числе, активизацию деятельности местных органов власти.

Правительство Мун Чжэ Ина поставило перед собой цель расширения местной автономии, сбалансированного регионального развития, "при котором все процветают", а также предотвращения миграционного оттока из сельской местности. Фискальная децентрализация, проведенная в период полномочий, Мун Джэ Ина, оказала значительное влияние на функционирование местного управления в стране, но, тем не менее, проблема создания полноценной системы местного самоуправления в РК так и не была решена.

Что касается Юн Сок Ёля, то одним из первых его шагов, вызвавшем весьма неоднозначную реакцию в стране, стал перенос администрации президента из традиционной официальной резиденции в район Ёнсан (центр Сеула). Переезд открыл начало "эпохи Ёнсана".

Другая "эпоха", связанная с периодом пребывания у власти Юн Сок Ёля, касалась "по-настоящему" сбалансированного развития регионов. В 2022 г. новым правительством были обозначены шесть национальных целей,

среди которых была указана "эпоха регионов, которая позволяет гражданам жить в любом регионе страны одинаково счастливо". Президентом Юн Сок Ёлем также было объявлено о 120 основных задачах пятилетнего национального плана.

В 2023 г. президентский комитет по децентрализации и сбалансированному развитию представил "Первый комплексный план эпохи местного самоуправления на 2023–2027 гг.". Особенностью этого плана выступило объединение в одном документе видения двух ведущих направлений государственной политики – децентрализации и сбалансированного развития регионов. Ранее, начиная с 2004 г., принимались отдельные пятилетние планы по каждому направлению.

План правительства Юн Сок Ёля предполагал реализацию в течение 2023–2027 гг. и включал пять основных стратегий:

- децентрализация для поощрения автономии;
- реформа образования, способствующая развитию местных талантов;
- инновационный рост, увеличивающий количество рабочих мест;
- ведущее развитие, сохраняющее индивидуальность;
- социальное обеспечение, улучшающее качество жизни **[18]**.

Первая стратегия, обозначенная в плане, была нацелена не только на укрепление финансовой основы местного управления, но и на адаптацию формирующейся системы к местным условиям. Большое внимание также было уделено образованию и инновациям. В рамках представленных стратегий поощрялось, в частности, активное взаимодействие местных органов власти, университетов и промышленных компаний с целью превращения региональных университетов за счёт местных инноваций в конкурентоспособные. Предполагался запуск пилотного проекта региональной системы поддержки инновационных университетов в семи городах и провинциях. Указывалось также на необходимость создания специальных образовательных зон развития, а также привлечения иностранных студентов с последующим трудоустройством в регионах РК. Меры по совершенствованию местной системы здравоохранения и социального обеспечения выступали как ответ на "кризис локального вымирания".

В целом "Первый комплексный план эпохи местного самоуправления на 2023–2027 гг." представлял совокупность стратегических документов, объединяющих все уровни власти: рассматривались не только цели и задачи правительства по указанным выше направлениях и определенные меры по их реализации, но также было уделено внимание отраслевым планам и особенно планам развития регионов. Подобная организация формирования и реализации региональной политики предполагает непрерывное взаимодействие органов центрального и регионального управления, учёт региональных приоритетов и корректировку планов в зависимости от изменения политической, экономической и социальной ситуации.

Тем не менее, несмотря на определенную новизну подхода, план администрации Юн Сок Ёля сложно назвать действительно революционным. При всём заявленном внимании к местному уровню власти, даже в случае выполнения плана местное самоуправление в РК по-прежнему оставалось бы достаточно ограниченным как в своих полномочиях, так и, что особенно важно, финансах для их реализации.

Кроме того, президентом Юн Сок Ёлем был предложен целый ряд инициатив, в том числе, в сфере демографической и молодежной политики, в частности, была утверждена первая национальная программа, направленная на поддержку молодежи. Однако провал финансовой политики Юн Сок Ёля, сложности в реализации региональной, противостояние с парламентом, и, в конце концов, попытка ввода в стране военного положения, привели к политическому кризису. Официальное окончание "эпохи Ёнсана" в 2025 г. вновь поставило вопрос о дальнейших стратегиях политики сбалансированного развития, в том числе, связанных с переносом государственных учреждений в нестоличные регионы и судьбой административного города Седжон.

Оценка эффективности региональной политики президента Юн Сок Ёля

Несмотря на определённые успехи, большинство исследователей достаточно критически характеризуют результаты политики сбалансирован-

Табл. 4. Значения интегральных показателей экономического и социального развития регионов Республики Корея (2017, 2022, 2023 гг.)

Table 4. Values of integrated indicators of economic and social development of regions of the Republic of Korea (2017, 2022, 2023)

Регион	Период					
	интегральный показатель экономического развития			*интегральный показатель социального развития*		
	2017	*2022*	*2023*	*2017*	*2022*	*2023*
Сеул	0,629	0,341	0,568	0,513	0,531	0,512
Пусан	0,129	0,328	0,120	0,215	0,254	0,257
Тэгу	0,176	0,184	0,090	0,291	0,241	0,236
Инчхон	0,178	0,268	0,309	0,334	0,340	0,255
Кванджу	0,120	0,143	0,115	0,433	0,450	0,431
Тэджон	0,120	0,149	0,155	0,460	0,433	0,417
Ульсан	0,354	0,414	0,319	0,661	0,608	0,578
Седжон	0,173	0,369	0,151	0,765	0,963	0,903
Кёнгидо	0,703	0,458	0,810	0,464	0,374	0,349
Канвондо	0,249	0,184	0,080	0,402	0,424	0,435
Чхунчхон-Пукто	0,152	0,141	0,163	0,384	0,400	0,396
Чхунчхон-Намдо	0,497	0,310	0,260	0,364	0,311	0,313
Чолла-Пукто	0,158	0,172	0,095	0,301	0,232	0,246
Чолла-Намдо	0,269	0,192	0,195	0,284	0,208	0,229
Кёнсан-Пукто	0,339	0,175	0,189	0,309	0,203	0,211
Кёнсан-Намдо	0,166	0,263	0,202	0,414	0,297	0,284
Чеджу	0,319	0,193	0,069	0,601	0,457	0,433

Источник: рассчитано автором на основе **[10]**.
Source: calculated by the author based on **[10]**.

ного развития регионов, проводимой в РК с начала 2000-х гг. И, учитывая, что президент Юн Сок Ёль был отстранён от власти в конце 2024 г., вряд ли стоит констатировать, что его администрации удалось кардинально решить проблему внутристрановой социально-экономической асимметрии. Тем не менее представляется возможным осуществить оценку эффективности региональной политики президента Юн Сок Ёля. В данной работе под подобной оценкой понимается измерение уровня региональной асимметрии на основе модификации оригинальной авторской методики, предполагающей разработку интегральных показателей и выделение групп территориальных образований. Модификация обусловлена, прежде всего, спецификой социально-экономического развития РК, что определило изменение перечня его компонентов. Изменения также коснулись состава частных и количества интегральных показателей в связи с недостаточностью статистической информации. В качестве ключевых периодов рассматривались 2017 и 2022 гг. (период полномочий президента Мун Джэ Ина и начало деятельности Юн Сок Ёля в качестве президента страны), а также 2023 г.

Прежде всего, для построения интегральных показателей были отобраны частные показатели, одним из главных принципов выбора, которых было не только адекватное отражение того или иного компонента социально-экономического развития территории, но и представленность в официаль-

Табл. 5. Типология регионов Республики Корея по уровню экономического и социального развития (2017, 2022, 2023 гг.)

Table 5. Typology of the regions of the Republic of Korea by the level of economic and social development (2017, 2022, 2023)

Регион	Интегральный показатель экономического развития			Интегральный показатель социального развития		
	2017	*2022*	*2023*	*2017*	*2022*	*2023*
Сеул	1	2	1	2	1	1
Пусан	3	2	3	3	3	3
Тэгу	2	2	3	3	3	3
Инчхон	2	2	2	2	2	3
Кванджу	3	3	3	2	2	2
Тэджон	3	3	2	2	2	2
Ульсан	2	1	2	1	1	1
Седжон	2	1	2	1	1	1
Кёнгидо	1	1	1	2	2	2
Канвондо	2	2	3	2	2	2
Чхунчхон-Пукто	3	3	2	2	2	2
Чхунчхон-Намдо	2	2	2	2	2	2
Чолла-Пукто	3	2	3	2	3	3
Чолла-Намдо	2	2	2	3	3	3
Кёнсан-Пукто	2	2	2	2	3	3
Кёнсан-Намдо	3	2	2	2	2	2
Чеджу	2	2	3	1	2	2

Примечание: 1 – значение показателя выше зоны со средними значениями показателя, 2 – значение в границах зоны средних значений, 3 – значение ниже зоны средних значений.

Источник: рассчитано автором на основе **[10]**.

Source: calculated by the author based on **[10]**.

ной статистике. В этом отношении РК практически не отличается от других стран, традиционно сосредотачиваясь на статистике национального уровня. В итоге перечень показателей для расчёта, например индекса сбалансированного развития, разработанного комитетом по местному развитию, включает в себя данные, которые предполагают, в том числе обращение к материалам различных ведомств, а также проведение социологического опроса, что не способствует оперативности оценки. Кроме того, наблюдается также проблема несопоставимости, в том числе хронологических рамок расчёта различных региональных индексов и т. п.

В настоящей работе используются показатели, рассмотренные выше (кроме показателя численности населения и темпов изменения демографических показателей). Дополнением к указанному перечню выступили: общий коэффициент рождаемости, численность медицинского персонала (человек на тысячу человек населения), обеспеченность дорогами (метров на тысячу человек населения), среднемесячные денежные доходы (долл. США), количество детских садов (на тысячу человек населения). Таким образом учитываются основные составляющие социально-экономического развития регионов: региональная экономика, научно-технологический потенциал региона, инфраструктура, качество и уровень жизни населения региона. Информация

для расчёта данных показателей размещена на соответствующих официальных сайтах (Korean Statistical Information Service и др.) РК. Безусловно, такой подход в какой-то мере снижает возможности исследования, но в то же время расширяет границы сравнительного анализа.

Все значения частных показателей были нормированы, в дальнейшем на их основе были рассчитаны интегральные показатели социального и экономического развития территории, отображенные в *таблице 4*.

Обращает на себя внимание некоторое снижение в 2023 г. значения интегрального показателя социального развития в Сеуле и провинции Кёнгидо при определенном повышении значения показателя экономического. Однако резких падений значения интегрального показателя, отражающего состояние социальной сферы в городах и провинциях РК, не наблюдалось. При этом в большинстве регионов отмечалось определённое ухудшение экономической ситуации, порой весьма значительное, как в Пусане, Тэгу, провинциях Канвондо, Чолла-Пукто и островном регионе Чеджу.

Далее для разделения регионов на группы в зависимости от уровня развития были определены зоны со средними значениями социального и экономического показателей. Зоны рассчитывались на основе отклонения от среднего значения интегральных показателей; зоны выше и ниже данной области, соответственно, составили регионы с более высоким или низким уровнем развития. Результаты представлены в *таблице 5*.

В целом результаты оценки не показывают существенных изменений значений интегрального показателя, отражающего социальное положение регионов РК, в период пребывания у власти президента Юн Сок Ёля. Как показывают данные *таблицы 5*, в 2023 г. у большинства регионов, кроме города-метрополии Инчхон, социальные характеристики оставались в рамках областей, присущих 2022 г. На изменение позиции Инчхона повлияло снижение значений показателей социальной инфраструктуры. Показательно, что в период действия полномочий президента Мун Джэ Ина подобная ситуация наблюдалась у трёх регионов.

Что касается экономического развития регионов, то свой ранг в 2023 г. повысил Сеул (благодаря росту ВРП, деловой и технологической активности), неожиданно оказавшийся в 2022 г. среди регионов со средним уровнем развития, а также провинция Чхунчхон-Пукто. Последняя вышла на более серьёзную позицию за счёт незначительного повышения значения показателя, которое, тем не менее, стало решающим. Обратная динамика характерна для восьми регионов (Пусан, Тэгу, Тэджон, особый самоуправляющийся город Седжон, Ульсан, Чолла-Пукто и особые самоуправляющиеся провинции Канвондо и Чеджу). Так, промышленный центр РК Ульсан, несмотря на преимущество в ВРП, в 2023 г. вошёл в зону средних характеристик. В итоге первую группу (выше области средних значений) составили только два региона.

В целом на конец деятельности администрации президента Мун Джэ Ина и начало – Юн Сок Ёля, в группу с невысокими значениями экономического развития входило всего три региона, в то время как в 2023 г. их число увеличилось до пяти. Подобная картина наглядно иллюстрирует присутствие традиционного разрыва между технологическими и инновационными центрами страны Сеулом и Кёнгидо и остальными регионами.

Заключение

Таким образом, в РК наблюдается асимметрия социально-экономического развития регионов, обусловленная влиянием целого ряда факторов, в том числе сложившимся в XX в. территориальным разделением труда. Катастрофические демографические тенденции, присущие большинству городов и провинций страны, осложняют реализацию региональной политики.

Концепция сбалансированного развития регионов является доминирующей в РК и в её рамках, так или иначе, действовали с начала 2000-х гг. все президенты страны. Однако, несмотря на масштабные попытки реализации различных подходов к региональной политике, проблемы концентрации населения и деловой активности в столичном регионе, усиления проявлений депопуляции в периферийных территориях остаются на настоящий момент неразрешёнными. В то же время следует обратить внимание на определённые достижения в сглаживании экономического неравенства регионов. К тому же

рассредоточение государственного управления и создание инновационных городов, эффект от которых в настоящее время весьма незначителен в долговременном плане, могут привести к росту региональной экономики.

Региональная политика президента Юн Сок Ёля включала пять стратегий, зафиксированных в "Первом комплексном плане эпохи местного самоуправления на 2023–2027 гг." и была нацелена на передачу ряда полномочий на местный уровень, повышение статуса особых городов и провинций, укрепление финансового потенциала местных органов власти, а также раскрытие преимуществ регионов для формирования местных центров роста.

Вместе с тем проведённая оценка эффективности региональной политики правительства двадцатого президента страны показала отсутствие каких-либо значительных результатов в снижении территориальных диспропорций. Более того, количество регионов с интегральными показателями ниже области средних значений в 2023 г. увеличилось, особенно в экономической сфере.

Безусловно, результаты оценки в отношении региональной политики Юн Сок Ёля в определённой мере носят несколько условный характер: следует учитывать недостаточно длительный период его деятельности на посту президента РК; к тому же отсутствие полных статистических данных за 2024 г. значительно снижает репрезентативность исследования. Тем не менее, проведённая оценка показала сохранение "классических" региональных диспропорций в РК при президенте Юн Сок Ёле.

В целом, несмотря на постоянное совершенствование региональной политики различными администрациями президентов, возникает достаточно много вопросов по поводу эффективности её реализации. Очевидно, что для последующих правительств РК проблема сбалансированного регионального развития по-прежнему будет оставаться актуальной.

Литература / References

1. Акимова В. В., Чернецкий Ф. М. Трансформация территориальной структуры обрабатывающей промышленности Республики Корея в XXI в. // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2024. Т. 79. № 5. С. 90–100.
   Akimova V. V., CHernetskij F. M. Transformation of the territorial structure of the manufacturing industry of the Republic of Korea in the 21st century // Bulletin of Moscow University. Series 5. Geography. 2024. Vol. 79. No. 5. P. 90–100. (In Russ.).
2. Кукла М. П., Козлов Л. Е. Региональная политика Республики Корея на примере провинции Канвондо // Азия и Африка сегодня. 2020. № 10. С. 46–51.
   Kukla M. P., Kozlov L. E. Regional Policy of the Republic of Korea on the Example of Gangwon Province // Asia and Africa Today. 2020. No. 10. P. 46–51. (In Russ.).
3. Adapting Regional Policy in Korea. Preparing regions for demographic changes / OECD Rural Studies. Paris: OECD Publishing, 2022. 129 p.
4. Allain-Dupré D., Chatry I., Moisio A. Asymmetric decentralisation: trends, challenges and policy implications/ OECD. URL: https://www.oecd.org/en/publications/asymmetric-decentralisation_0898887a-en.pdf (accessed 30.03.2025).
5. Chang I., Choi Y. Y., Park S.-K., Kim B. H. S. Regional demographic changes and financial independence of local governments in Korea// Asian Journal of Social Science. 2023. Vol. 51. Issue 3. P. 188–197.
6. Jeong Seongpil, Park Jooyoung. Evaluating urban water management using a water metabolism framework: A comparative analysis of three regions in Korea // Resources, Conservation and Recycling. 2020. Vol. 155. P. 104597. https://doi.org/10.1016/j.resconrec.2019.104597 (accessed 30.03.2025).
7. Kim Kwang Sik, Gallent N. Regulating industrial growth in the South Korean Capital region// Cities. 1998. Vol. 15. No. 1. P. 1–11.
8. Kim Soon Eun. Regional Policy and National Development in Korea // Korean Journal of Policy Studies. 2014. Vol. 29. No. 1. P. 101–122.
9. Kim Taebyung, Lim Junghwan. Regional Policy in the Republic of Korea: Principles and Experiences/ Rimisp. Working Paper Series. 2016. No. 189. 15 p.
10. KOSIS: Korean Statistical Information Service. URL: https://kosis.kr/index/index.do (accessed 30.03.2025).
11. Mun Jihun, Kim Saehoon, Lee Jae Seung. Remote Sensing the Urban Sprawl in South Korea: The Effects of Sprawl on Spatial Inequality // XXVIII International Seminar on Urban Form. 29th June – 3rd July 2021. Glasgow, 2021. P. 786–793.

12. Mun Jihun, Lee Jae Seung, Kim Saehoon. Effects of urban sprawl on regional disparity and quality of life: A case of South Korea // Cities. 2024. Vol. 151. P. 105125. https://doi.org/10.1016/j.cities.2024.105125 (accessed 30.03.2025).
13. Salvati L., Benassi F., Miccoli S., Rabiei-Dastjerdi H., Matthews S. A. Spatial variability of total fertility rate and crude birth rate in a low-fertility country: Patterns and trends in regional and local scale heterogeneity across Italy, 2002–2018 // Applied Geography. 2020. Vol. 124. P. 102321. https://doi.org/10.1016/j.apgeog.2020.102321 (accessed 30.03.2025).
14. 김석동. 경제민주화가 지방분권화에 미치는 영향에 관한 연구 : 지방소멸과 저출생 문제 해결에 던지는 시사점을 중심으로 // 한국지방정치학회보 = Ким Сон Дон. Исследование влияния экономической демократизации на местную децентрализацию: особое внимание уделяется последствиям для решения проблем местного вымирания и низкой рождаемости // Журнал корейской ассоциации муниципальной политики. 2024. Т. 14. № 1. С. 1–34. https://doi.org/10.23113/krpsa.2024.14.1.001.
Kim Sok-don. A study on the impact of economic democratization on local decentralization: Focusing on implications for solving local extinction and low birth rate problems // Korean Regional Politics Review. 2024. Т. 14. № 1. P. 1–34. https://doi.org/10.23113/krpsa.2024.14.1.001 (In Kor.).
15. 김선명, 노진희. 전국 226개 기초자치단체의 지역균형발전측정 분석과 시사점: 인구 및 경제, 산업 지표를 중심으로 // 한국거버넌스학회보 = Ким Сон Мён Ким, Но Чжин Хи. Анализ показателей сбалансированного регионального развития и их последствий для 226 местных органов власти по всей стране: сосредоточение на демографических, экономических и промышленных показателях // Корейский журнал исследований управления. 2023. Т. 3. № 3. С. 101–128.
Kim Seon-myeong, Noh Jin-hee. Analysis of Balanced Regional Development in 226 Municipalities and Policy Implications: Focusing on Population, Economy, and Industrial Indicators // Korean Governance Review. 2023. Vol. 3. No. 3. P. 101–128. (In Kor.).
16. 김의섭. 분권, 차등분권과 지역균형발전: 문재인정부 분권의 성과와 과제 // 재정정책논집 = Ким Ый Соп. Децентрализация, асимметричная децентрализация и региональное сбалансированное развитие: достижения и проблемы децентрализации при администрации Мун Чжэ Ина // Журнал фискальной политики. 2022. Т. 24. № 1. С. 29–83.
Kim Ui-seop. Decentralization, Asymmetric Decentralization and Regional Economic Development in Korea // Fiscal Policy Journal. 2022. Vol. 24. No. 1. P.29–83. (In Kor.).
17. 이민주, 김슬기, 김의준. 지방소멸 위기지역 유형화와 특성 분석 // 도시연구 = Ли Мин Чжу, Ким Сыль Ги, Ким Ый Чжун. Анализ типологии и характеристика регионов, находящихся под угрозой исчезновения органов местного самоуправления // Городские исследования. 2023. № 6. С. 93–137.
Lee Min-joo, Kim Seul-gi, Kim Eui-jun. Analysis of the typology and characteristics of regions in danger of extinction of local governments // Korean Journal of Urban Studies. 2023. No. 6. С. 93–137. (In Kor.).
18. 제1차지방시대 종합계획 2023-2027 = Первый комплексный план эпохи местного самоуправления на 2023-2027 гг. URL: https://www.balance.go.kr/base/contents/view?contentsNo=30&menuLevel=3&menuNo=9 (дата обращения: 30.03.2025).
First Comprehensive Plan for the Local Government Era 2023-2027. URL: https://www.balance.go.kr/base/contents/view?contentsNo=30&menuLevel=3&menuNo=9 (accessed 30.03.2025). (In Kor.).

◆

Информация об авторе

Виктория Анатольевна Денисенко, канд. экон. наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: denisenko.va@dvfu.ru

Information about the author

Victoria A. Denisenko, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: denisenko.va@dvfu.ru

Поступила в редакцию 16.04.2025 Одобрена после рецензирования 07.05.2025 Принята к публикации 26.05.2025

Received 16.04.2025 Approved 07.05.2025 Accepted 26.05.2025